

## РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920–1930-е гг.)

Анализируется политика Советского государства в области национального школьного образования в период его становления в 1918–1930-е гг. в Западной Сибири. Исследуются вопросы поддержания и развития деятельности национальных школ в новых условиях – новой власти и новой политики. Особое внимание уделяется проблемам финансирования национальных школ, обеспечения учебной литературой, педагогами, знающими национальный и русский языки. Уделяется внимание роли губернских отделов по делам национальностей в становлении, развитии и сохранении национальной школьной сети в Сибири.

**Ключевые слова:** образование; национальные школы; Западная Сибирь.

На протяжении всей истории многонационального Российского государства национальные проблемы являются наиболее острыми и требующими скорейшего решения. Они создают опасный источник нестабильности для нашей страны. Среди них особое место занимает проблема национального образования, которая сегодня приобретает все большую значимость. Именно в школьном возрасте формируются такие базовые мировоззренческие позиции, как национальная самоидентификация, отношение к другим народам и культурам, национальным и иным традициям. Огромное значение в этих процессах принадлежит освоению родного языка и других языков, функционирующих в социуме. Правильное и своевременное решение национальных проблем образования играет исключительную роль в консолидации многонационального общества, формировании установок толерантного сознания, предотвращении ксенофобии и дискриминации, особенно в многонациональной Российской Федерации, которая насчитывает около 200 народов, которые, в свою очередь, включают в себя различные этнические группы. При решении современных проблем этнокультурного образования важны анализ и изучение опыта национального образования в период его становления в Западной Сибири в 1918–1938 гг. Исторически сложилось так, что Сибирь является регионом с пестрым этническим составом населения: это коренные народы – ненцы, селькупы, ханты, манси, сибирские татары, чулымцы, казахи, а также переселенцы и их потомки – украинцы, немцы, латыши, эстонцы, мордва, чуваша, народы Кавказа и Средней Азии.

Декларация прав народов России, принятая в ноябре 1917 г., провозгласила равенство всех народов России и их права, в том числе право на родной язык. В октябре 1918 г. было принято Постановление Наркомата просвещения «О школах национальных меньшинств», в котором говорилось о том, что «все национальностей, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке» и что «школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы» [1. Т. 1. Ч. 1. С. 101–102].

Постановка учебно-воспитательной и административной работы в школе национальных меньшинств была такой же, как и в русских общеобразовательных школах, однако в первых учитывались языковые, национально-бытовые особенности учащихся. Создава-

лись такие школы, как правило, в местах компактного проживания одной национальности. В населенных пунктах, где детей было недостаточно для организации отдельной школы (менее 25 учеников), открывали национальные классы при русских школах.

В Сибири к началу 1920 г., как правило, действовали школы национальных меньшинств первой ступени с трехлетним сроком обучения (часто встречались одно- и двухлетки), хотя предусматривалось четырехлетнее начальное обучение. Так, в 1920 г. в Сибири функционировали 1034 национальные школы первой ступени. Большинство школ было открыто для татарского (350), киргизского (303), немецкого (200), эстонского (75) населения Сибири.

Кроме того, действовали 45 латышских школ, 26 украинских, 20 еврейских и 15 польских [2. С. 309]. Существование большого числа школ национальных меньшинств именно первой ступени объясняется тем, что национальные меньшинства принадлежали преимущественно к сельскому населению и незаменимыми помощниками в крестьянском хозяйстве были дети, что исключало возможность их продолжительного обучения. Нормальная посещаемость школ прекращалась с наступлением весенних полевых работ, и возобновление учебных занятий было возможно только к октябрю – ноябрю. Не посещали дети школу и по другим причинам, например из-за отсутствия одежды и обуви. Нередки были случаи, когда, получив начальные навыки в чтении, письме и арифметике, дети прекращали ходить в школу, так как их родители считали, что полученного образования вполне достаточно. Так, например, в Кузнецком уезде в 1924/25 учебном году действовало пять чувашских школ (в д. Еловке, д. Михайловке и др.), но ни в одной из них не было выпуска полностью окончивших школу, хотя некоторые из этих школ работали с 1920 г. Едва научившись писать и читать, дети бросали учебу [3]. (Динамику численности национальных школ 1-й ступени см. в таблице.) Для этого времени был характерен подъем в создании и развитии национальных образовательных и культурно-просветительных заведений в Сибири. Но значительная часть из них была открыта без учета реальных финансовых возможностей. Волна энтузиазма, вызванная предоставлением прав на получение образования без каких-либо ограничений, породила большое количество материально беспомощных школ, многие из которых, просуществовав недолгое время, закрывались.

Динамика численности национальных школ 1-й ступени в Западной Сибири в 1920-е гг.\*

| Национальные школы | Учебные годы |         |         |         |         |         |         |         |         |
|--------------------|--------------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|
|                    | 1920/21      | 1922/23 | 1923/24 | 1924/25 | 1925/26 | 1926/27 | 1927/28 | 1928/29 | 1929/30 |
| Белорусские        | —            | —       | —       | —       | 6       | 10      | 3       | 10      | 27      |
| Еврейские          | 20           | 30      | 2       | 5       | 4       | 3       | 1       | —       | —       |
| Киргизские         | 303          | 709     | 63      | —       | —       | 54      | —       | —       | —       |
| Латгальские        | —            | —       | —       | —       | 2       | 14      | —       | 9       | 12      |
| Латышские          | 45           | 48      | 51      | 30      | 27      | 26      | 20      | 31      | 33      |
| Литовские          | —            | —       | —       | —       | —       | 1       | 1       | —       | —       |
| Мордовские         | —            | 8       | —       | 6       | 14      | 14      | 5       | 16      | 28      |
| Немецкие           | 200          | 160     | 135     | 97      | 77      | 87      | 105     | 316     | 325     |
| Польские           | 15           | 20      | 6       | 3       | 6       | 8       | 2       | 13      | 14      |
| Татарские          | 350          | 283     | 233     | 118     | 112     | 142     | 144     | 233     | 272     |
| Украинские         | 26           | 38      | 35      | 48      | 33      | 36      | 43      | 65      | 118     |
| Чувашские          | —            | 10      | 29      | 21      | 28      | 31      | 22      | 54      | 59      |
| Эстонские          | 75           | 75      | 68      | 37      | 42      | 55      | 35      | 62      | 65      |
| Всего              | 1034         | 1381    | 622     | 365     | 351     | 481     | 381     | 809     | 953     |

\* Составлено по: Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 740. Л. 34, 36; Д. 1865. Л. 84; Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 116. Л. 146; Д. 149. Л. 160, 166; Д. 151. Л. 78; Д. 553. Л. 71, 77-78; Д. 773. Л. 148. Данные по территории современных Томской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края.

В связи с переходом к новой экономической политике государство было вынуждено сократить расходы на просвещение. Все национальные школы были переведены в разряд государственных школ и переданы в ведение местных отделов народного образования. Проблемами национальных школ Западной Сибири стал заниматься отдел национальных меньшинств, созданный в 1921 г. при Сибирском отделе народного образования. Было принято также решение привлекать к содержанию и обслуживанию общеобразовательных учебных заведений городское и сельское население, фабрично-заводские предприятия и советские учреждения. Однако местных средств для выполнения этого постановления не было, созданные при школах хозяйственные советы из-за новизны порученного дела и бедности населения кое-как обеспечивали школьных работников жалованием. Советские учреждения не могли содержать за свой счет школы, так как сами зависели от местного бюджета. Возложить на сельское население содержание школ национальных меньшинств первоначально не удалось. Запоздалые кампании заключения договоров, экономическая маломощность пришлого нерусского населения — именно эти обстоятельства не позволили сохранить сеть действовавших начальных школ в 1921–1923 гг.

В конце 1921 — начале 1922 г. многие школы национальных меньшинств попали под сокращение. Объяснялось это, во-первых, тем, что советские и партийные работники считали, что необходимо сохранить прежде всего русские школы, так как русское население составляет большинство и его интересы приоритетны. Во-вторых, среди части работников просвещения было распространено искаженное представление об «интернационализме», которое понималось как игнорирование всего национального, как признание бесполезности развития национальной культуры, языка, поскольку все должно быть единым, а сохранение национального — это проявление национализма, который необходимо изжить. В-третьих, образовательные и культурные учреждения национальных меньшинств прекращали свою работу еще и потому, что созданы были недавно, не имели необходимых средств, помещений, оборудования, учебников и не успели еще заручиться поддержкой со стороны населения.

В сложившейся ситуации от работников, осуществлявших свою деятельность среди национальных меньшинств, требовалось большое терпение и самоотверженность, чтобы доказывать необходимость сохранения культурных учреждений для национальных меньшинств и важность их работы. Они понимали, что только учитывая интересы всех групп населения, независимо от языка, на котором они говорят, можно осуществить провозглашенные советской властью принципы построения многонационального демократического государства. Они, как могли, отстаивали перед советскими и партийными органами интересы национальных меньшинств в культурной сфере, добивались равного финансирования с русскими школами, обеспечения школ квалифицированными учителями, издания национальных учебников и т.д. С другой стороны, им приходилось доказывать необходимость просвещения на родном языке и родителям детей, принадлежащих к национальным меньшинствам, заинтересовывая их в поддержке школ.

В июне 1922 г. подотдел просвещения национальных меньшинств при коллегии Наркомата просвещения (Наркомпрос) обратился к работникам подотделов национальных меньшинств при губернских отделах образования (губнаробразы) Сибири и России с разъяснением ситуации, сложившейся в области национального образования, и предложил возможные варианты ее разрешения. «Ввиду экономического кризиса в России, — говорилось в обращении, — центр не может содержать все просветительные учреждения... Всюду в Европе и России в прежние времена школы содержались на местные средства. Места должны сейчас оплачивать то, что не может сделать государство... Понимая, что в переходное время местный бюджет пуст, однако надо искать другие временные источники. Мы признаем, что для материальной поддержки народного образования могут быть использованы разнообразные формы общественной и частной помощи» [4. Л. 2]. Одновременно подчеркивалось, что те, кто оказывает поддержку школам, не должны вмешиваться в осуществление учебного процесса и «не имеют никаких прав над школой». Вариантов помощи было предложено несколько: создание при исполнительных комитетах крестьянского попечительства, введение налога в пользу школ, организация

при национальных клубах комитетов помощи школе, содержание их на договорной основе, прикрепление к различным учреждениям (советским, общественным, партийным, кооперативным) [5. Л. 73]. Принимая во внимание крайне тяжелое материальное положение учебных заведений в стране, на X Всероссийском съезде Советов было принято постановление о разрешении введения платы за обучение в городских школах первой и второй ступени и в вузах [6. Т. 1. С. 219–220].

На практике в большинстве случаев школы национальных меньшинств решали проблемы финансирования самостоятельно, ни один из предложенных вариантов не был распространен. Тем не менее все же было сделано немало для сохранения и поддержания деятельности школ национальных меньшинств. Проводились «недели помощи школе», всевозможные лотереи, устраивались платные и благотворительные спектакли и вечера, воскресники и другие мероприятия, добываясь, таким образом, внимания со стороны местных властей и населения к проблемам школ. В основном помощь выражалась в сборе пожертвований, использовавшихся на закупку дров, учебников, литературы и т.п., для проведения необходимого ремонта. Например, еврейская секция Интернационального клуба г. Томска в 1922 г. устроила платный спектакль, средства от которого были перечислены местной еврейской школе. 11 марта 1923 г. в пользу вновь открывшейся еврейской школы был устроен вечер, весь сбор от которого поступил на организационные расходы [7. Л. 55, 64, 72]. В 1923/24 учебном году в первой немецкой школе г. Томска прошло девять вечеров, собравших средства для поддержки учителей и школы [8. Л. 2]. При еврейской школе существовал комитет содействия, на заседании которого 29 января 1924 г. было решено организовать специальный фонд поддержки школы. Для пополнения его средств был поставлен детский платный спектакль, проведен вечер в городском клубе, 17 мая 1924 г. состоялся благотворительный вечер с танцами [9. Л. 12].

Большое значение для существования сельских школ национальных меньшинств в 1920-е гг. в Сибири имела помощь со стороны населения, которое понимало необходимость создания условий для обучения детей грамоте, открывало и содержало школы. Так, латышские крестьяне Маличевского, Малиновского и Романо-Троицкого сельсоветов на своем собрании в декабре 1922 г. постановили: «...Принимая во внимание катастрофическое положение народного образования в данное время... когда правительство бросило все свои силы и средства на восстановление тяжелой промышленности, считаем своим долгом взять на полное содержание свою школу» [10. Л. 34]. По решению Болотненской районной конференции эстонских крестьян, состоявшейся в августе 1923 г., была открыта эстонская школа первой ступени в с. Болотном, содержавшаяся на средства колонистов [11. Л. 11]. В сентябре 1923 г. состоялось собрание немецких граждан Бутырских хуторов Куликовской волости Мариинского уезда, решивших открыть на свои средства школу [12. Л. 87]. Открывшуюся 1 декабря 1923 г. школу посещало 28 детей [13. Л. 1].

Следующей серьезной проблемой в становлении и деятельности школ национальных меньшинств в Си-

бири и России было влияние на них церкви. По принятому декрету «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. преподавание вероучений во всех государственных и общественных, а также учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы, не допускалось [14. С. 371–374].

Население национальных меньшинств в Сибири отличалось приверженностью к религиозным традициям и считало необходимым сохранение преподавания в школе Закона Божьего, выполнявшего, по их мнению, функцию нравственного воспитания молодежи. Оно выражало недовольство его отменой и запрещало детям посещать советские школы. Так, 9 февраля 1920 г. на заседании коллегии школьного отдела губнаробраза Томской губернии совместно с заведующим подотделом национальных меньшинств был обсужден вопрос о преподавании мусульманского вероучения в тюрко-татарских школах, так как были получены сведения о волнениях среди татар, вызванных его отменой [15. Л. 41, 44]. Весной и летом 1923 г. в ряде районов Славгородского и Омского уездов Омской губернии по этим же причинам не работали меннонитские школы [16. С. 47]. Влияние мусульманской религии среди татарского населения и авторитет духовенства были чрезвычайно высокими, поэтому руководителям отделов народного образования всей Сибири и России приходилось считаться с этой ситуацией, понимая, что ее игнорированием и противостоянием ничего не изменишь. Необходимы были сотрудничество, а в некоторых случаях соперничество и особый подход к татарской общине, убеждение ее членов в том, что светские татарские школы необходимы и нуждаются в их поддержке. Так, руководитель Томского губернского отдела народного образования по делам национальных меньшинств З. Гайсин в декабре 1924 г., аргументируя необходимость скорейшего завершения ремонта здания, отведенного пятилетней татарской школе, писал в своем отчете о состоянии работы среди национальных меньшинств, что если в ближайшее время занятия в школе не начнутся, татарские дети будут обучаться в религиозной татарской школе, которая вскоре откроется при мечети, и устроители светской школы потеряют над ними контроль [17. Л. 145].

Совет по просвещению национальных меньшинств Томского губнаробраза пытался искать выход из подобной ситуации, стремясь завоевать симпатии татарского населения. Так, в феврале 1926 г. на одном из заседаний обсуждался вопрос о работе религиозной школы при мечети, занятия в которой проводились с утра и после обеда, что лишало ее учеников возможности посещать и светскую школу. Поэтому было предложено проводить занятия в религиозной школе только после обеда, чтобы утром дети могли учиться в светской школе [18. Л. 15]. Мусульманские школы действовали в Томской губернии в течение 1920-х гг. Запрещать их работу было нельзя, поскольку это настроило бы враждебно все татарское население по отношению к советским школам, властным структурам, проводившим работу среди нерусского населения, и советской власти в целом. Поэтому приходилось считаться с их существованием и проводить

культурную и просветительную работу с учетом их существования.

Одной из самых основных проблем для школ национальных меньшинств на протяжении всех лет существования советской власти, как в Сибири, так и России, оставался вопрос о соотношении в использовании русского и родного языков в процессе обучения. Школы, преподавание в которых шло на родном языке учеников, быстро завоевывали симпатии населения. Их работа имела важное педагогическое значение, так как преподавание на материнском языке ускоряло процесс обучения, вызывало интерес, содействовало прочному и сознательному усвоению знаний, было доступным. Обучение на родном языке в начальной национальной школе было обязательным. Русский язык вводился со второй половины второго года обучения как обычный предмет. Постепенно его изучение расширялось с таким расчетом, чтобы дети, окончившие четырехлетнюю национальную школу, владели им свободно и могли продолжить учебу в русских школах второй ступени, а если имелись национальные школы повышенного типа или школы крестьянской молодежи (ШКМ), то и среднее образование они могли бы получать на родном языке [19. Л. 24].

Однако на практике происходили и вытеснение родного языка из учебного процесса и усиление роли русского, что не было оправданным, так как снижало успешность усвоения учебного материала и вело к ассимиляции нерусского населения. Проблема языка

преподавания и обучения подкреплялась нехваткой учителей, знавших и родной язык учащихся, и русский язык в достаточной степени, а также недостатком или отсутствием учебников. По словам комиссара народного образования П.А. Тюркина, Наркомпросу не удавалось следить за подготовкой учителей нерусских школ («было немало контрреволюционных элементов, буржуазных националистов и преступников»), а издание учебников для нерусских школ удалось наладить только в 1933 г. [20. С. 313–314].

Изучение проблем развития национального образования в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. показывает, что именно в это время происходит становление национального образования по всей стране. Безусловно, поддержка национального образования имела политические причины. Главными задачами созданных школ для национальных меньшинств было распространение среди них коммунистической идеологии и формирование мышления советского человека, которые были успешно выполнены в короткие сроки, и уже с конца 1930-х гг. развитая система национального образования начала сворачиваться. Несмотря на все недоработки и недостатки той системы, этот опыт считается уникальным, так как за короткие сроки была выстроена сеть национальных школ практически с нуля, написаны учебники на национальных языках, подготовлены обучающие программы, проведена огромная работа по подготовке национальных учителей.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг.* М., 1983.
2. Лукиева Е.Б. Национальные школы в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Национально-культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе в первой трети XX в. Новосибирск, 2005.
3. *Красное знамя* (Томск). 1925. 10 февр.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-317. Оп. 1. Д. 27.
5. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1245.
6. *Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов.* М., 1959. Т. 1.
7. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 837.
8. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 838.
9. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1283.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1567.
11. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1267.
12. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1276.
13. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1285.
14. *Декреты Советской власти.* М., 1957. Т. 1.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 625.
16. Колоткин М.Н. Деятельность национальных секций партийных комитетов по развитию школьного строительства среди национальных меньшинств Сибири в 1920–1923 гг. // Деятельность партийных организаций Сибири по развитию общеобразовательной школы в период строительства и упрочения социализма. Новосибирск, 1982.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1468.
18. ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 20.
19. ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 627.
20. Блиштейн П.Э. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июня 2013 г.